

сильное влияние на философию экзистенциализма, который не просто «онтологически обосновывал движения», но и осознавал свои идеи радикальной альтернативой прежней статической онтологии. Так, один из *сознательных* экзистенциалистов Жан-Поль Сартр так пояснял свой принцип о том, что существование предшествует сущности: «Человек сначала существует, встречается, появляется в мире и только потом определяется» [5, 323]. Таким образом, в одной из влиятельных систем философии XX в. в основу бытия кладется именно движение.

Если возвратиться к началу статьи и, отслеживая ход мысли А.Г. Чернякова, поставить вопрос: как экзистенциализм Мартина Хайдеггера мог оказаться версией стать «постклассического аристотелизма»? – то ответ на него можно почерпнуть из работы Этьена Жильсона «Бытие и сущность», который, в отличие от Сартра, не противопоставляет современный экзистенциализм средневековому христианскому аристотелизму. Напротив, он видит «глубину томистской метафизики» в обнаружении ею двух «онтологических уровней»: бытия-субстанции и *бытия-экзистенции*, равно необходимых для полноты бытия [4, 391]. Таким образом, томизм необходимым образом предшествует экзистенциализму. При этом Жильсон считает, что обнаружение экзистенции как равной по значению с субстанцией категории представляло собой попытку преодоления онтологии Аристотеля, которую похоронила «вторая схоластика» Суареса.

Возражение Жильсону

Однако здесь мы не согласимся с французским исследователем: родство с томизмом автоматически обнаруживает родство экзистенциализма и с аристотелизмом. Оппозиция субстанции и экзи-

стенции не далеко уходит от оппозиции действительности и возможности. Онтологически между бытием человека, стремящегося к реализации своих проектов, и бытием вещи, стремящейся к своей энтелехии, нет принципиальной разницы.

Другое дело, что по тем или иным причинам динамическое прочтение Аристотеля долгое время оказывалось не востребованным, и только торжество динамических толкований бытия (диалектика, эволюционизм, экзистенциализм, теории хаоса) в современную эпоху заставило обратить на их истоки в прошлом.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения: пер. с др.-гр. – М.: Мысль, 1975. – Т.1.
2. Аристотель. Физика // Сочинения: пер. с др.-гр. – М.: Мысль, 1975. – Т.3.
3. Асмус В.Ф. Античная философия. – М.: Высшая школа, 1999.
4. Жильсон Э. Бытие и сущность / пер. с фр. Г.В. Вдовиной // Избранное: христианская философия. – М.: РОС-СПЭН, 2004.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. А.А. Санина // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1990.
6. Черняков А.Г. Время и бытие в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2003.
7. S. Aurelii Augustini. Confessionum. Caput XXVIII // Migne J-P. Patrologiae cursus completus – P., 1845. – Т. XXXII.
8. Russel B. Aristotle's Metaphysics / History of Western Philosophy. – L., 1961.

Иваненко Алексей Игоревич, канд. филос. наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии СПбГТУРП
Ivanenko Alexey Igorevich, cand. of philosophy, assistant professor of department of history, philosophy & cultural studies of SPbGTURP

E-mail: iwanenko@pochta.ru

УДК 124.51

Н.Н. Карпицкий

АБСОЛЮТНОСТЬ И ИСТОРИЧНОСТЬ ЦЕННОСТЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье показано значение ценностей для бытия человека и изменение понимания ценностей в истории европейской культуры. Автор характеризует античное и христианское понимание блага и добродетели, объясняет причины возникновения ценностного нигилизма.

Ключевые слова: ценность, нигилизм, добродетель, благо.

N.N. Karpitskiy

ABSOLUTENESS AND HISTORICITY OF VALUES IN THE EUROPEAN CULTURE

In article the importance of values for the person's being and the change of understanding of valuables in the history of the European culture is shown. The author characterizes antique and Christian understanding of the blessing and virtue, explains the reasons of valuable nihilism.

Key words: value, nihilism, virtue, blessing.

Ценности – это особые смыслы, которые наделяют значимостью определенное содержание человеческой жизни, а именно: переживания, события, явления, предметы, поступки и цели. Ценности выявляются во внутреннем самоопределении человека к жизни, к другим людям и к миру в целом, бла-

годаря чему человек определяет для себя, что в его жизни по-настоящему важно, а что является всего лишь суетой.

Ценности не принадлежат эмпирическому миру, поэтому они постигаются не органами ощущений, а умом, т.е. умозрительно. Иначе говоря, ценность –

это смысл, однако смысл особый. Чтобы понять, что за вещь перед нами, необходимо соотнести эмпирическую данность вещи с определенным смыслом. При этом смысл вещи должен быть также непосредственно представлен для ума как вещь для органов ощущений. Если мы проводим в уме определенные вычисления, то необходимо удерживать в памяти все числа, над которыми проводятся операции. Иными словами, в процессе понимания смысл всегда нагляден для ума.

Однако если человек совершает поступок, то ему не нужно соотносить его с наглядно представляемой с ценностью блага, чтобы понять, дурной он или хороший. Этическую значимость поступка он чувствует непосредственно в самом волевом решении совершить этот поступок. В данном случае ценность осознается иначе, чем смыслы вещей или математических операций. Ценность осознается не как идеальная определенность, наглядно представленная в уме, а как внутреннее содержание волевого самоопределения, которое лежит в основе совершенного поступка. Иначе говоря, ценности выявляются в свободном волевом самоопределении человека, которое будем называть «ценностное самоопределение». Свобода воли является условием ценностного самоопределения, которое, в свою очередь, является условием свободного поступка, поскольку поступок состоит в выборе цели на основе ценностного самоопределения и реальных усилий для ее достижения.

Ценностное самоопределение – это процесс определения своего места в жизни, в ходе которого все по-настоящему важное, ради чего стоит жить, отличается от всего прочего: от имеющего лишь ситуативное значение (например, физиологических потребностей), от самого по себе не ценного, а служащего лишь средством для чего-то другого (например, денег или социального статуса) и от недостойного того, чтобы к нему стремиться (например, дурных пороков).

Благодаря ценностному самоопределению человек реализует свою свободу, наличием которой он отличается от животных. Ведь личность человека «обнаруживается только в акте свободного самоопределения. Мы узнаем человека как личность не тогда, когда он, подчиняясь внешним обстоятельствам и социальным требованиям, поступает «как все», но лишь только тогда, когда он поступает свободно, в соответствии с собой» [1, с. 157]. Животное не может ни изменить, ни вообще как-то отнестись к мотивациям своих поступков, определенных эмпирической и психологической ситуацией. В этом смысле оно не обладает свободой воли, несмотря на то, что оно обладает свободой выбора между уже имеющимися различными мотивациями. Человек, самоопределяясь к ценности, определяет для себя новую значимость ситуации, порождая тем самым новую мотивацию собственных поступков. Этим определяется способность человека к обучению. Ведь многие животные обучаются бы-

стрее людей, но как только пропадает мотивация дальнейшего обучения, они останавливаются в своем развитии. Однако если человеку неинтересно изучать новый предмет и хочется бросить все и пойти отдыхать, он все равно может в своем самоопределении к ценности знания сформировать в себе новое желание учиться дальше. Человек является разумным в силу способности мыслить свободно. Благодаря ценностному самоопределению человек способен поступать свободно, нести моральную ответственность за свои поступки и осознавать себя как личность.

Поскольку ценности идеальны и не принадлежат эмпирической сфере, их подлинность или ложность невозможно определить эмпирическими методами наблюдения, измерения или эксперимента. Также сомнительно удостоверение ценностей ссылкой на внешние факторы, а именно на общественное мнение, авторитеты или традицию. Конечно, все эти факторы могут отражать накопленный поколениями опыт понимания ценностей и в этом плане они выступают положительной мотивацией для ценностного самоопределения. Однако внешние факторы могут фиксировать и опыт приспособленчества человека к социальным обстоятельствам, культивирующий круговую поруку или конформизм, переходящий в эгоизм. В этом случае они создают негативную мотивацию, вынуждающую человека поступать не в соответствии с собственным самоопределением, а в соответствии с эгоистическими интересами, своими или группы, с которой он отождествляется. Кроме того, если бы ценности определялись внешними факторами, то оценка поступка зависела бы от бесчисленных обстоятельств, которые невозможно учесть, и человек всегда был бы не уверен, правильно ли он поступает. Именно это обстоятельство обусловило философский поиск абсолютных ценностей, которые первичны по отношению к психологическим и эмпирическим обстоятельствам, иначе говоря, априорны.

Человек признает подлинность ценностей не потому, что эта подлинность логически доказана, а потому, что сами ценности осознаются как самоочевидные. Так бывает, если человек решается поступить справедливо вопреки обстоятельствам, только исходя из самоочевидного понимания справедливости, а вовсе не потому, что имеет какое-либо рассудочное обоснование необходимости поступать справедливо, и тем более не потому, что вывел это обоснование из эмпирического опыта. Чаще всего эмпирический опыт нам показывает, что в жизни трудно найти справедливость, а логически мы можем обосновать любую этическую позицию. Если благодаря принятию идеи справедливости человек осознал себя как личность, то эта идея становится для него самоочевидной. Однако справедливость – это не только идея, но и ценность, т.е. особый смысл, осознание которого происходит в самоопределении через поступок. Только самоопределяясь в поступках, человек узнает себя

как личность. Человек начинает воспринимать ценность как самоочевидную и не требующую никакого дополнительного обоснования только в том случае, если он осознал ее в собственном личностном самоопределении.

Не только справедливость, но и вообще любая идея становится самоочевидной, если понимание ее способствовало формированию собственной личности. Например, человек верит в Бога, и ему не нужны для этого никакие логические или эмпирические доказательства. Сам факт того, что богообщение позволило человеку понять себя, стать собой, и является свидетельством самоочевидности существования Бога. Это верно и в отношении ценностей. Одни люди считают самоочевидным, что благо абсолютно, и по отношению к нему можно оценить всякий поступок или событие, другие же полагают, что благо – это условная ценность, принятая как результат соглашения в определенных обстоятельствах. Благо самоочевидно, если его абсолютный характер удостоверяется жизненным опытом (т.е. всем тем опытом, который оказал влияние на формирование личности), и оно будет представляться условной сомнительной идеей, если никак не связано с самоопределением человека к себе и к жизни в целом. Таким образом, ценностное самоопределение – это этап становления личности, который проявляется в ее самоопределении через поступки.

Ценности принадлежат идеальному бытию. Открытие идеального бытия произошло еще в античности и определило своеобразие всей последующей европейской культуры. Тогда же, в античности, были заложены основы идеи ценности, хотя самим понятием «ценность» в то время не пользовались. Вместо этого употреблялись понятия блага и добродетелей. С современной позиции благо можно интерпретировать как высшую ценность, а добродетели как подчиненные ей ценности и формы их реализации в поступках человека. Тем не менее различие между современным пониманием ценности и античным пониманием блага очень существенно и связано с различием в мировосприятии.

Ценности раскрывают значимость для человека того, что он считает важным. Кто-то считает для себя важным комфорт, кто-то, наоборот, риск и опасности, кто-то стремится к богатству и славе, а кто-то – к творчеству или самоотверженному подвигу. В основе всех этих разнообразных предпочтений лежит стремление чувствовать себя живым. Каждый человек по-своему наполняет и разнообразит ощущение жизни в стремлениях к удовольствиям или творчеству, к опасностям или спокойной жизни и т.д. Если теряется ощущение жизни, то вообще все теряет смысл. Однако ощущение жизни различно у античного и современного человека, поэтому различным будет понимание ими природы ценностей.

Ощущение жизни зависит от того, что человек воспринимает как первично очевидное. Для совре-

менного человека первичной очевидностью является данность самого себя как субъекта и своей внутренней субъективной сферы. Все остальное он удостоверяет по отношению к себе. В античности, наоборот, первично очевидными были мир, космос, бытие. Человек чувствовал себя существующим, потому что обнаруживал себя частью мира и не представлял себя существующим отдельно от него. Он не задумывался о том, что его внутренний субъективный мир может быть представлен отдельно от мира в целом.

Ощущение жизни дает только осмысленная жизнь, когда человек понимает, что все происходящее с ним не случайно, а по-настоящему важно. Понимание этого связано с тремя вопросами.

1. Что является подлинным? – это вопрос о первооснове бытия – архэ. В античности давались разные варианты ответа: единое, логос, мир эйдосов.

2. Что оправдывает жизнь? – в данном случае спрашивается о том, что может принести удовлетворение в жизни, ради чего стоит прилагать усилия. Это вопрос о благе. Здесь также предлагались разные варианты ответа: идея всех идей, разум, удовольствие.

3. Как реализовать подлинное в том, что несет удовлетворение? – это вопрос о добродетелях. В качестве ответа предлагались разумность, рассудительность, мужество, справедливость, воздержанность и т.д.

Отвечая на первый вопрос, человек обретает уверенность в себе и в том, что все, что с ним происходит, – не случайность и не иллюзия, но определено самим порядком жизни. Однако он может и ошибаться, принимая мнение за истину. Об истине свидетельствует разум. Мнение же – привычка людей считать определенным образом.

Отвечая на второй вопрос, человек самоопределяется в том, что в его жизни по-настоящему важно и ради чего вообще стоит жить. Однако он может и ошибаться, принимая за благо лишь средства получения удовольствий или достижения успеха в определенной ситуации. Например, он может принять за благо славу, богатство, власть. Однако эти блага иллюзорны, и человек сам убеждается в этом, оказываясь перед лицом смерти, которая безжалостно отнимает у него все, что он считал самоценным. Иллюзии дают лишь преходящее удовлетворение, но не оправдывают жизнь. Чтобы не испытывать разочарование, когда будет уже поздно, человек должен уметь выделить в потоке жизни среди преходящего и несамоценного подлинное благо, которое дает человеку удовлетворение от жизни, не зависящее ни от чего, даже от смерти.

Отвечая на третий вопрос, человек определяет, в чем состоит его внутренний долг, как ему жить, как совершенствовать себя и как поступать. Иллюзорные блага определяют морально предосудительные намерения и поступки человека. Например, если он считает высшим благом богатство, то и в жизни следует своей жадности, не считаясь с другими

людьми. Думая, что этим он нечто приобретает от жизни, человек в действительности разрушает в ней все, что только и могло по-настоящему дать удовлетворение.

Поскольку античный человек не выделял внутренний субъективный мир из всего реального мира, то он и не представлял, что благо и добродетели можно оценивать со стороны субъекта как некий объект. Благо не оценивают и не выбирают, так как оно и есть онтологическая основа человеческого существования. Зло понималось как недостаток, недовоплощение блага. Зла как самостоятельной сущности быть не может. В глазах античного эллина, если человек ведет порочный образ жизни, то это не значит, что он намеренно выбрал другую ценность. Либо он не знает блага, либо он ошибается в том, как его следует воплощать в жизни. Но он не может намеренно отрицать благо, так как только благодаря благу он и существует.

Такое понимание определило интеллектуализм античной этики. Древний эллин не мог вообразить, что кто-то, зная, что есть благо, будет намеренно поступать вопреки нему, или, понимая, что его поступок злой, все равно станет его совершать. Конечно, древние люди нравственностью и добротой вряд ли принципиально отличались от нынешних. Они также делали очень много злого, однако интерпретировали склонность ко злу не как результат самоопределения воли, а как следствие ошибочного решения разума. Однако если человеку понятно и логично объяснить, в чем именно заключается благо, то он изменит свое отношение к жизни. Эта интеллектуальная установка тесно связана с древнегреческой демократией. Если законы, по которым живет полис, принимаются собранием людей, то где гарантия того, что люди будут принимать именно разумные законы? Очевидно, только в том, что сама природа человека разумна, и поэтому с помощью правильных аргументов и рассуждений до его разума можно достучаться. Если же человек не внимет голосу разума, то он потеряет способность жить по разумным законам в полисе и тем самым ничем не будет отличаться от животных.

В христианскую эпоху подлинное бытие усматривалось в Боге, а личностное общение с Богом оправдывало жизнь. Все, что препятствовало этому личностному общению, было морально предосудительным. Различие между средневековой и античной позициями в том, что если в античности благо усматривалось умом, то в христианстве предполагалось еще и самоопределение воли по отношению к нему. Это связано с открытием в христианстве свободной воли как самостоятельного, наряду с разумом, начала, способного действовать вопреки ему. Об этом свидетельствовало христианское откровение о грехопадении, согласно которому, человек, понимая, что нарушает заповедь Бога, все равно решается совершить первый грех.

Бог дарует бытие всему существующему. Бытие – это дар Божий, поэтому оно есть благо, и все, что

причастно бытию, становится благом. Для христианина само бытие или чувство собственного существования является источником подлинности ощущения жизни. Бог как источник бытия является источником блага. Поэтому полнота приобщения к благу – это полнота бытия, которая раскрывается только в богообщении.

Если в античном понимании приобщиться к благу означало понять его, то для христианина этого еще недостаточно; необходимо также самоопределиться к благу, перенаправив свою волю с иллюзорных целей на первоисточник всего бытия. Христианство разделяет присущую также и античному сознанию идею о том, что зло не субстанционально, т.е. не может быть злой сущности самой по себе, однако причину зла видит не просто в недовоплощенности блага, а в неправильном самоопределении воли, отрицающей собственное же бытие. Даже у дьявола природа благая, а зло в нем возникает вследствие отрицания им своей природы, которую создал Бог. Поэтому в христианской традиции благо тоже понимается онтологично и не подлежит оценке со стороны субъекта наподобие какой-нибудь вещи, которую можно принять, а потом поменять. Самоопределяясь к благу, человек выбирает не ту или иную ценность, а способ своего существования. Ни в античный, ни в средневековый период еще не сформировалось понятие ценности как чего-то такого, что можно оценить и выбрать на основе собственного предпочтения.

Мартин Хайдеггер полагает, что представление о ценностях как объектах, подлежащих внешнему оцениванию со стороны человека, сформировалось в европейской культуре совсем недавно под влиянием идеи переоценки ценностей Фридриха Ницше [2, с.71-72]. Однако Ницше не смог бы повлиять на европейское сознание так сильно, если до него уже не была бы подготовлена почва всем развитием европейской культуры.

Переход к Новому времени связан с изменением понимания первичной очевидности. В центре картины мира оказывается человек. В связи с этим происходит выделение внутренней субъективной сферы, в которой, как предполагается, объективный мир дан лишь в своем отражении. Именно данность субъекта самому себе в своем собственном субъективном мире и является первичной очевидностью, а реальный мир удостоверяется субъектом в процессе познания. Чтобы удостовериться в реальности мира, необходимо удостовериться в правильности процесса познания, что для европейской традиции оказалось довольно проблематично.

В связи с этим и ценности стали пониматься не как онтологические принципы существования человека, а как внешние принципы предпочтения, которые сами должны быть подвергнуты оценке со стороны субъекта подобно тому, как он оценивает любую другую внешнюю вещь. Это привело к релятивизации ценностей вплоть до их отрицания. Сомнение в идеальном бытии побудило искать

обоснование ценности в чем-либо внешнем по отношению к нему. Это послужило предпосылкой ценностного нигилизма. Человек продолжал нуждаться в оправдании жизни, но с отрицанием идеального основания ценностей стал искать это оправдание в чем-либо другом. Кто-то предавался удовольствиям, кто-то утешал себя тем, что служит обществу или прогрессу. Все эти оправдания были ненадежными и легко поддавались критике. Ценностный нигилизм постепенно распространяется в европейском сознании и достигает своей максимальной категоричности в позднем творчестве Фридриха Ницше.

Когда человек отказался от теоцентрической картины мира, единственной альтернативой ценностному нигилизму остается трансцендентализм. Открытие трансцендентальной сферы позволило дать новое обоснование ценностям, ответственно-

сти и свободе воли. В соответствии с этим пониманием человек – это не только биосоциальное существо, но нечто большее, и он способен поступать в силу своего свободного ценностного самоопределения.

Литература

1. Тарнапольская Г.М., Сычева С.Г., Карпицкий Н.Н. Этапы символического воплощения личности // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307. – № 6. – С. 157-162.
2. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 63-176.

Карпицкий Николай Николаевич, д-р филос. наук, профессор Сибирского государственного медицинского университета.

Karpitskiy Nikolay Nikolaevich, doctor of philosophy sciences, professor of Siberian State Medical University.

E-mail: karpizky@vtomske.ru

УДК 130

Д.Г. Китаев

ШОПЕНГАУЭР И НИЦШЕ: ИМПЛИЦИТНАЯ ДУХОВНОСТЬ

В статье показана онтологическая характеристика духовности, исходя из оснований: свободы, творчества и ответственности. Представлено определение духовности. На основе анализа некоторых аспектов философии Шопенгауэра и Ницше выделена и обоснована имплицитная составляющая духовности.

Ключевые слова: духовность, имплицитная духовность, свобода, творчество, ответственность, Шопенгауэр, Ницше.

D.G. Kitaev

SCHOPENHAUER AND NIETZSCHE: IMPLICIT COMPONENT OF SPIRITUALITY

The article shows the ontological characteristics of spirituality. Spirituality has its base: freedom, creativity and responsibility. The definition of spirituality is shown. Some aspects of the philosophy of Nietzsche and Schopenhauer are given. On this basis the implicit component of spirituality is represented.

Key words: spirituality, implicit component of spirituality, freedom, creativity, responsibility, Nietzsche, Schopenhauer.

Человек как существо духовное проявляет себя в многообразии и качественной разнородности переживаемого духовного опыта. В этой гамме находятся ценностные установки, внутренняя самоидентификация, а также многое другое. Онтологическая проблематика неотъемлемо присутствует в мировоззрении как его базовая составляющая. Онтологические основания лежат в основе мироощущения человека. Мироощущение – «мостик» между миром и человеком, ощущение единства с миром. Это тот самый фундамент, на котором зиждется структура личности, в том числе, например, духовные ценности и смыслы. Мироощущение человека формируется культурой с самого детства, через его действительную заинтересованность и включенность в окружающую действительность.

«Слово “культура” обозначает всю сумму достижений и учреждений, отличающих нашу жизнь от жизни наших далеких предков и служащих двум целям: защите людей от природы и урегулированию отношений между людьми» [4, с. 99]. Человек усваивает компоненты культуры в виде готовых блоков, привносимых извне. Они уже сформирова-

ны, и человек лишь «приспосабливает» их для себя, через процесс осмысления и встраивания в свою картину мира. Онтологическая проблематика играет немаловажную роль в этом процессе и присутствует в виде онтологических оснований. Любое понятие включает в себя онтологические основания как базис. Конечно же, не ограничиваясь только ими, в качестве оснований можно выделить и многие другие элементы и структурные единицы, способствующие «адаптации». В рамках данной статьи ограничимся нижеследующими. Для феномена духовности подобными онтологическими основаниями являются свобода, ответственность и творчество.

Духовность есть интегративное качество личности, объединяющее в себе высокую меру нравственности (ответственность), высокую меру стремления к прекрасному, активно-деятельностную позицию (творчество) и высокую степень самоидентификации, осознания (свобода). Свобода, творчество и ответственность выступают здесь в качестве оснований. Феномен духовности не исчерпывается ими. Духовность – это глубоко личное переживание мира в слиянии со всем его гармоничным мно-